

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ХАРБИН — «РУССКИЙ КИТЕЖ»

Часть 3

Под советско-китайским управлением (1924—1935)

В 1924 году Православная церковь, как и все белые русские¹ в Китае, вступает в полосу испытаний. 31 мая 1924 года было подписано соглашение между СССР и правительством Китая, согласно которому КВЖД была превращена в коммерческое предприятие под совместным советско-китайским управлением. Это сильно изменило ситуацию в Маньчжурии. С того времени на КВЖД могли работать только те, у кого были советские или китайские паспорта.

«Конечно, нельзя сказать, что жизнь в городе была полной идиллией. Железная дорога остается в совместном ведении Китая и России — уже советской, — вспоминал харбинец О. А. Водопьянов. — Обслуживающий КВЖД персонал имеет советское гражданство, и в одном городе в разное время жили рядом коммунисты и монархисты, сов. служащие и бывшие белогвардейские офицеры, сотрудники БРЭМа² и члены Всероссийской фашистской партии, казаки атамана Семенова, крестьяне, рабочие и просто обыватели. Отношение к большевикам и к советской власти было вполне попятным и обоснованным. Подростки из белоэмигрантских молодежных организаций „Союз мушкетеров“, „Крестonosцы“ и „Черное кольцо“ ходили с шестами к 4-й советской школе драться с комсомольцами — детьми сов. служащих. Но не было гражданской войны, брат не стрелял в брата, сын не отказывался от отца, и не горели дома «классовых врагов»³.

Ввиду провозглашенного в Советской России по примеру других стран принципа отделения Церкви от государства местные храмы уже в декабре 1924 года были лишены пособий, а Церковный отдел — жалованья от КВЖД. Одновременно Закон Бо-

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ В официальных китайских, японских и советских документах 1920—1930 годов, а также в обыденной речи тех лет так именовались российские эмигранты. Это выражение широко используется в современной китайской историографии (См.: Ван Чжичэн. Шанхай эцяоши (История русской эмиграции в Шанхае). Шанхай, 1993).

² Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи.

³ Водопьянов О. А. Харбин: русский город на чужой земле // Китайский благовестник. 2004. № 13. С. 19.

жий был признан необязательным предметом преподавания в школах КВЖД, и кредиты на таковое преподавание прекращены с 1 января 1925 года.

В связи со всеми изложенными событиями обеспечение церковных причтов и содержание храмов перешло всецело в ведение и обязанности прихожан. Однако приходская жизнь и деятельность оказались на протяжении истекших 25 лет окрепшими, благодаря чему ни один храм в последующие годы не закрылся из-за отсутствия денежных средств. Необходимо отметить, что новая администрация дороги, идя навстречу населению, передала церковные помещения в безвозмездное пользование приходских советов⁴.

В 1927 году харбинскому Свято-Николаевскому кафедральному собору ветеранами-казаками были переданы реликвии омского Казачьего собора.

Уходя из Омска в 1919 году, офицерство Сибирского казачьего войска приняло на себя заботу о сохранности реликвий Свято-Николаевского казачьего собора — дарохранительницы и священных евхаристических сосудов. Утварь эту, изготовленную в Москве в 1836 году, пожертвовали собору отставной урядник 6-го полка омский казак Федор Иванович Бедрин с женой Екатериной Михайловной. Пожертвованные священные сосуды и дарохранительница были тонкой ювелирной ручной работы из кованого серебра с золочением. Дарохранительница и потир были украшены дорогими самоцветными камнями стоимостью до 10 тысяч рублей. Помимо сакрального, предметы эти имели историко-мемориальное значение. Пребывая в Омске, из этой чаши причащались Тела и Крови Господних наследник-цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II), Петр Аркадьевич Столыпин, адмирал Александр Васильевич Колчак, генерал Лавр Георгиевич Корнилов⁵.

Накануне эвакуации белых из Омска войсковое правительство сибирских казаков по просьбе настоятеля Казачьего собора протоиерея Леонида Покровского приняло священные предметы под свою надежную охрану и позднее доставило их в Харбин. Проявленная предусмотрительность не была излишней: в 1920 году имущество омского Казачьего собора было национализировано большевиками, а сам он закрыт и «перепрофилирован» в детский сад.

В 1936 году весь комплект священных предметов был сфотографирован для Зарубежного Синода. На обороте одного из двух фотоснимков имеется следующий текст, заверенный ключарем кафедрального собора протоиереем Леонидом Викторовым и казачьим полковником Е. П. Березовским: «Снимок церковной утвари Харбинского кафедрального Св.-Николаевского собора, принадлежавшей ранее Войсковому Св.-Николаевскому собору Сибирского казачьего войска в г. Омске. Снимал 8 августа 1936 г. протоиерей С. Русанов в присутствии ключаря собора протоиерея Леонида Виктора и Председателя Войскового Представительства Сибирского казачьего войска полковника Березовского, с разрешения Его Высокопреосвященства архиепископа Мелетия»⁶.

В июне 1928 года харбинские архиереи получили Указ Временного Московского Священного Синода от 20 июня 1928 года, обращенный к Карловацкому Священному Синоду и митрополиту Евлогию (Георгиевскому). Суть указа сводилась к требованию выявления своей позиции по отношению к московской церковной власти: речь шла о признании иерархами зарубежья власти митрополита Антония (Храповицкого) или митрополита Сергия (Страгородского). В указе этом говорилось и о том, что всякий

⁴ Нилус Е. Х. Деятельность церковного отдела управления КВЖД (Обзор церковной жизни полосы отчуждения) // Русская Атлантида. 2009. № 33. С. 20.

⁵ Коростелев В. А., Караулов А. К. Православие в Маньчжурии. 1898—1956 / Под ред. О. В. Косик. ПСТГУ, 2019. С. 91—92.

⁶ Там же. С. 92—93.

клирик, признающий Московский Синод, но не вступающий в советское гражданство, отстраняется от несения своего церковного послушания. Ни один из архиереев на территории Китая не посчитал возможным для себя принять этот указ (впрочем, некоторое время преосвященный Нестор (Анисимов) колебался и даже заявил о признании митрополита Сергия, но позднее переменял свое решение)⁷.

Нестор (в миру Анисимов Николай Александрович) (1885–1962, Москва). Окончил Казанское реальное училище и миссионерское монгольско-калмыцкое отделение при Казанской духовной академии. Иеромонах (1907), начальник духовной миссии на Камчатке. Игумен в Первой мировой войне (1914–1915). Епископ Камчатский и Петропавловский (1916). Активно выступал против большевиков во время Гражданской войны и эмиграции. Во время Великой Отечественной войны изменил точку зрения⁸.

Присутствие в Харбине епископов Мефодия, Мелетия и Нестора придавало особую значимость местной церковной жизни и как исключительную торжественность архиерейским служениям, которые еще так недавно являлись здесь весьма редкими событиями при посещениях Харбина покойным епископом Владивостокским преосвященным Евсевием.⁹

В результате изменения политической обстановки в Китае и с переходом Маньчжурии под контроль нанкинского правительства резко ухудшилась работа КВЖД. Начались систематические налеты хунхузских банд на железную дорогу, гибли русские рабочие и служащие, уничтожались материальные ценности.

27 мая 1929 года последовал налет китайской полиции на Генеральное консульство СССР в Харбине. По городу прокатилась волна арестов административных и гражданских лиц, имевших советское гражданство. В июле того же года китайские власти захватили телеграфную линию КВЖД и связь советской администрации с Союзом полностью прекратилась. От работы был отстранен управляющий дороги А. И. Емшанов. Последовал разрыв советской стороной дипломатических отношений с Китаем. Харбин затих в неизвестности, в ожидании худшего. Вскоре это случилось: произошли события на границе с Приморьем и Забайкальем. И все же обошлось: состоялись переговоры, и 3 декабря 1929 года в Уссурийске был подписан протокол о восстановлении статуса КВЖД¹⁰.

С 1928 года в Свято-Никольском соборе служил протодиакон Симеон Никитич Коростелев, родом из Москвы¹¹. С 1922-го по 1925 год он был иподиаконом владыки Нестора, в 1925 году рукоположен владыкой во диакона, впоследствии, будучи протодиаконом Харбинского кафедрального собора (1928–1956), неоднократно сослужил владыке до 1948 года¹². О. Симеон был членом Харбинского епархиального совета. Красивый, утонченный. Барышни спрашивали друг у друга: «Сегодня пойдешь в церковь? Нынче Сенечка служит»¹³.

⁷ Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1900–1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998. С. 50–51.

⁸ Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 138.

⁹ Нилус Е. Х. Деятельность церковного отдела управления КВЖД (Обзор церковной жизни полосы отчуждения) // Русская Атлантида. 2009. № 33. С. 19.

¹⁰ Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 39–40.

¹¹ Эмигрировал в Харбин. В сане диакона с 1925 года. В 1925–1928 годах служил в Алексеевской церкви на Зеленом базаре в Харбине.

¹² Русская Атлантида. 2004. № 12. С. 37. Протодиакон Семен Коростелев встречался с владыкой Нестором в СССР после 1956 года, до кончины владыки состоял с ним в переписке.

¹³ Дети Харбина. Часть 1. Протоиерей Евгений Ланский: Воздух детства — воздух веры // Православие и современность. 2008. № 9 (25) / Протодиакон Симеон Коростелев возвратился в СССР в 1956 году вместе с архиепископом Никандром (Викторовым). Служил с владыкой в Архангельской и Рос-

В 1931 году в возрасте 75 лет скончался митрополит Мефодий, первый глава Харбинской епархии. Он был погребен под сводами Свято-Николаевского кафедрального собора в склепе, напротив образа святителя Николая. После кончины митрополита Мефодия архиепископ Мелетий был назначен главой Харбинской православной епархии в сане митрополита¹⁴.

Под японской оккупацией (1931–1945)

Серьезным политическим событием была японская оккупация Маньчжурии. Она началась в 1931 году, а на рассвете 6 февраля 1932 года японские части вошли в Харбин. Так открылась новая страница в жизни города, оказавшегося на ближайшие 15 лет буквально на скрещении эпох¹⁵. На территории Маньчжурии было создано чисто декоративное марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое просуществовало 13 лет.

Вначале оккупационный режим был относительно мягким. Как вспоминает бывший харбинец Э. Каттай, японцы «улыбались и дарили детям конфетки». В дела русской колонии новые властители почти не вмешивались. Жизнь русских эмигрантов шла в основном по старому привычному руслу. Более того, после предшествующей политической неразберихи, бесконечной смены режимов и изматывающих конфликтов казалось, что вежливые и аккуратные японцы принесли с собой в Маньчжурию стабильность и процветание¹⁶.

Иверская часовня (1933). В период империи Маньчжоу-Го каждой церкви была выдана охранная грамота, храмы не платили никаких налогов и сборов, не выполняли повинностей. И не случайно поэтому в 1930–1940-е годы в Харбине начался новый всплеск храмового строительства.

В 1929 году в Москве на Красной площади у Иверских ворот Кремля была разрушена Иверская часовня (часовня Иверской иконы Божией Матери)¹⁷. После разрушения московской Иверской часовни православные русские люди, жившие в Харбине, по предложению ктитора Никольского собора Е. В. Попова решили воздвигнуть в ограде Свято-Никольского собора с северной стороны ее точную копию. Проект часовни сделал инженер-архитектор Евгений Александрович Уласовец (1907–1963) по эскизу профессора П. Ф. Федоровского. Часовню заложили летом 1933 года и закончили строительство в октябре того же года¹⁸.

Вот что сообщалось по этому поводу в журнале «Рубеж» за 1937 год, издававшемся в Харбине: «Русские за рубежом с трогательной любовью стремятся сохранить все то, что возрождает в сердцах и памяти величавый образ нашей Родины. И то, что разрушается в СССР коммунистами, — восстанавливается, возрождается у нас, в эмиграции. Около пяти лет тому назад в Москве снесена часовня Иверской Божией Матери, которая глубоко почиталась не только москвичами, но и всеми русскими людьми...

товской епархии до самой кончины архиерея в 1961 году. Затем ушел за штат. Проживал у сестры. Скончался во Львове в 1978 году.

¹⁴ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 93.

¹⁵ Русский Харбин. М.: Изд. Московского ун-та, 1998. С. 41.

¹⁶ Караулов А. К., Коростелев В. А. Поборник церковного единения // Китайский благовестник. 2003–2004. С. 6.

¹⁷ Воссоздана в 1994–1995 годах.

¹⁸ Мелихов Г. В. Манчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. С. 93; Тыкоцкий Г. Б. Православные храмы Харбина. Екатеринбург, 1999. С. 28.

В ограде Харбинского Свято-Николаевского собора построена часовня, являющаяся точной копией московской Иверской часовни...»¹⁹

Одним из строителей Иверской часовни был Яков Георгиевич Плетухин, уроженец села Иванова Самарской губернии. За свои труды он получил грамоту и вознаграждение²⁰. В Иверской часовне постоянно совершались по средам после литургии молебны с освящением воды, а по пятницам в 6 часов вечера читали акафисты. Харбинцы часовню очень любили, часто приходили, молились Божией Матери о своих нуждах²¹.

Вспоминает харбинец Н. Г. Шарохин: «Перед входом в ограду располагалась часовня Иверской Богоматери, увенчанная бронзовым ангелом с крестом. В часовне находился огромный образ Иверской Богоматери замечательного письма в роскошной золоченой ризе, перед которой всегда теплилось множество свечей и лампад. По бокам находились иконы святого Николая Мирликийского Чудотворца и святого целителя Пантелеймона, выполненные в рост. Собор находился на пересечении двух главных артерий — Хорватовского шоссе и Большого проспекта. Здесь останавливался весь городской транспорт, и поэтому в часовню всегда заходило множество людей — хоть на минуту, поставить свечку и поклониться Пресвятой Владычице.

Часто летними вечерами, проходя по Соборной площади, сквозь шум транспорта можно было услышать стройное пение: „Радуйся, Благая Вратарница, двери райские верным отверзающая...“ — это в Иверской часовне собиралась группа энтузиастов-любителей и исполняла духовное песнопение, прославляющее Богоматерь. Над притихшей улицей и площадью плавно плыло это песнопение. Это был настоящий народный хор, без присутствия духовных лиц, певших совершенно безвозмездно. Здесь были люди из различных слоев общества. Группа обычно состояла из 10–12 человек, среди которых выделялись два украинца, оба в национальных рубашках, кругленькие, залихватые, один из них обладал замечательным музыкальным слухом. А рядом стоял огромный мужчина, певший неожиданно тонким детским фальцетом. Он ходил какой-то странной косолапой походкой, и наши мальчишки между собой называли его „гориллой“»²².

За благолепием внутреннего убранства часовни в 1933–1963 годах наблюдала Варвара Григорьевна Федотова, проживавшая по соседству в доме соборного причта²³.

Во времена китайской «культурной революции» в августе 1966 года хунвейбины разрушили до основания Иверскую часовню вместе с собором. Все иконы, находившиеся не только в часовне, но и в других храмах города, были сожжены²⁴.

Н. А. Анчугова (Брагина): «Прошли десятилетия; на Родине произошли перемены. Если внимательно все проанализировать, то удивляешься Божьему промыслу: в России Иверскую часовню разрушили в 1929 г., в Харбине часовню построили в 1933 г. Китайцы разрушили часовню и собор в 1966 г., а в 1993 г. появляется та же часовня в Москве. Как же не скажешь: „дивны дела Твои, Господи!“»²⁵

Дело «харбинцев». В 1935 году Советский Союз, фактически потерявший контроль над железной дорогой, был вынужден продать права на КВЖД. В марте 1935 года

¹⁹ Упшиский Ак. Иверская часовня в Харбине // Рубеж (Харбин). 1933. № 46. С. 15.

²⁰ Плетухин Александр (Мельбурн, Австралия). Мой отец // Русская Атлантида. 2006. № 20. С. 22.

²¹ Анчугова (Брагина) Н. А. «Пути Господни неисповедимы». О Свято-Николаевском кафедральном соборе и Иверской часовне в г. Харбине // Русская Атлантида. 2012. № 45. С. 40.

²² Шарохин Н. Г. Мой Харбин // Русская Атлантида. 2006. № 21 С. 50–51.

²³ Коростелев В. А., Караулов А. К. Православие в Маньчжурии. 1898–1956 / Под ред. О. В. Косик. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2019. С. 452.

²⁴ Иверская икона Божией Матери в часовне Воскресенских ворот в Москве // Православный семейный альманах «Воскресная школа». 2013. Выпуск № 1 (3).

²⁵ Анчугова (Брагина) Н. А. «Пути Господни неисповедимы». О Свято-Николаевском кафедральном соборе и Иверской часовне в г. Харбине // Русская Атлантида. 2012. № 45. С. 42.

был заключен договор о продаже советской части дороги японцам. С этого момента японцы фактически стали хозяевами дороги, после чего харбинцы получили эмигрантский вид на жительство (китайские паспорта у них отобрали). Москва предложила всем строителям КВЖД, а также служащим, имеющим советское гражданство, вернуться на родину.

По некоторым данным, было отправлено 104 эшелона (численность совслужащих на КВЖД доходила до 24 тысяч человек). Судьба большинства этих людей была трагичной. В Китае они были «советские», а в Союзе стали «буржуями». Дело в том, что работа на КВЖД очень хорошо оплачивалась, в те времена железнодорожники были элитой среди трудящихся других профессий. На Родине им был уготован суровый прием, уж очень резко отличались они своим видом и благосостоянием на фоне всеобщей бедности.

В большинстве своем они не представляли, насколько сильно изменилась Россия в их отсутствие. Жестокое и трагичное время. Все они были почти поголовно истреблены в 1937 году по оперативному приказу Ежова (приказ № 00593 от 23.09.1937: «арест и расстрел всех в срок до 25.12.1937 г.»)²⁶.

Продолжением этой трагедии является страшный по своей сущности материал, опубликованный газетой «Известия», № 62 от 3 апреля 1996 года под заголовком «Расстрел по I-ой категории». Там среди девяти документов приводится текст телеграммы из Иркутска от 25 августа 1938 года (документ 7) за подписью секретаря Иркутского обкома ВКП(б) и начальника УНКВД, адресованной в Москву Сталину и Ежову следующего содержания:

«Ввиду незаконченной очистки области от правотроцкистских белогвардейских панмонгольских контрреволюционно-враждебных элементов, колчаковцев, *харбинцев* (выделено автором), эсеров, кулаков, подпадающих под первую категорию, — просим разрешить дополнительно лимит по первой категории для Иркутской области на 5 тысяч».

Так местные власти просили вышестоящих об увеличении лимита на отстрел сограждан. На языке тех лет «по первой категории» означал расстрел без следствия и суда. И так рядовые, слепо верящие советской власти граждане попадали под карающий без разбора меч революции. Из избежавших расстрела многие не избежали лагерей и ссылки²⁷.

1930-е годы — время жесточайших гонений на православие в Советском Союзе. Но в Харбине церковная жизнь по-прежнему протекала, как в «мирное время».

В. П. Петров: «Харбин, в сущности, сделался единственным свободным русским городом на всем земном шаре, в котором жизнь шла прежним, старым, русским, размеренным порядком, как и в прежней России. Рано утром глубокий торжественный звук соборного колокола призывал молящихся к обедне. Вечером также люди истово крестились, услышав размеренные звуки колокола, призывавшего их ко всенощной. А на Пасху весь день с соборной колокольни раздавался беспорядочный, неумолкаемый трезвон всех колоколов. Это был узаконенный порядок для мальчишек — раз в году забраться на колокольню и звонить во все свое удовольствие»²⁸.

Вспоминает протоиерей Евгений Ланский: «Почти все детство я провел в семье протоиерея Прокопия Гордзиевского — это был довольно известный в Харбине священник. После его смерти — он умер в начале 30-х годов — его матушка, тогда уже вдова, Елена Вонифатьевна, меня воспитывала в церковном духе. Мне рассказывали, что малышом,

²⁶ Водопьянов О. А. Харбин: русский город на чужой земле // Китайский благовестник. 2004. № 13. С. 19.

²⁷ Кирсанов И. В. Эмиграция, эмигранты... // Русская Атлантида. 2000. № 3. С. 32.

²⁸ Петров В. П. Город на Сунгари. Вашингтон: Издание Русско-Американского исторического общества, 1984. С. 23.

приходя из храма, я надевал на себя полотенце, становился на стул, брал какую-нибудь цепочку и кадил. И все говорили: „Женюра наш будет архиерей“...

Елена Вонифатьевна жила на Новоторговой улице в самом центре Харбина, поэтому она меня водила в *Свято-Никольский храм*. Это был кафедральный собор города, освященный в честь покровителя Харбина, святителя Николая Чудотворца. Именно там я узнал и полюбил молитву преподобного Ефрема Сирина „Господи и Владыко живота моего...“ — благодаря Елене Вонифатьевне. Она умела все догматы, церковные правила и заповеди объяснять, подавать так, что отказаться от них было невозможно. По-моему, она была филолог по образованию, очень верующий человек»²⁹.

Ольга Ильина-Лаиль: «Наступает весна 1936 года, а с нею и Пасха. Как и в прошлом году, в одну из недель Великого поста мы всем классом говеем, ходим в церковь, исповедуемся, а в следующее воскресенье причащаемся. Родители, среди них и моя мама, присутствуют при причастии в церкви. На пасхальной заутрене мы с мамой были в соборе святого Николая на центральной площади Нового города. Собор этот любим жителями Харбина. Он самый красивый из городских церквей, и все приезжающие в Харбин его посещают»³⁰.

Вспоминает Ольга Скопиченко: «Когда строго соблюдается Великий Пост, и люди идут в церкви: в Монастырскую, Софийскую, Благовещенскую, в Иверскую и в *наш Собор*, в эти дни замирала веселая жизнь харбинцев, храмы были переполнены молящимися, и мы, гимназисты, студенты, школьники, отстаивали величественные и скорбные службы в наших гимназических церквях, готовясь к Великому Празднику Воскресения Христова. Тогда даже самым большим скептикам не приходило в голову, что наступит время, когда в свободном мире будут отменены молитвы в школах.

Помню моление в Великий Четверг, толпы людей, бережно несущих четверговую свечу, защищая ее рукой от легкого весеннего ветерка. Пасхальная Ночь. Сияющие огнями храмы, толпы народа, переполняющие церкви, безмолвие, тишина и та минута, когда распахиваются двери храмов, и выходит крестный ход, срывается ликующий, казалось, весь город наполняющий колокольный пасхальный звон. И звучит этот пасхальный перезвон всю Светлую неделю, с многочисленных колоколен наших церквей»³¹.

И. Абросимов: «Сумерки. Церковный колокол призывает верующих ко всенощной. Бом! Бом! Колокольный звон доносится и из Нового города. На молитву созывает православных христиан колокол собора. Бом! Бом! Звонят и колокола Иверской, Благовещенской и других церквей. Бом! Бом! В эти предвечерние часы Харбин очень красив»³².

К. В. Попов: «Незабываемым впечатлением моего детства было посещение нашего Свято-Николаевского собора. Лет с семи каждую субботу меня бабушка брала за ручку, и мы с ней шли в собор на утреннюю службу. Внутренние приделы собора мне казались огромными. Священники были в золоченых рясах. Громоподобно пел церковный хор. Все это меня очень впечатляло. Кроме этого, поскольку мой дед при жизни состоял в церковном совете собора, мою бабушку хорошо в соборе знали. Меня отец Леонид (владыка Никандр) даже однажды провел в святая святых — соборный алтарь. Конечно, мне нравилось причастие (сладкое легкое церковное вино), которое дава-

²⁹ Дети Харбина. Часть 1. Протоиерей Евгений Ланский: Воздух детства — воздух веры // Православие и современность. 2008. № 9 (25).

³⁰ Ильина-Лаиль О. Восточная нить. СПб., 2003. С. 76 (Ольга Ильина-Лаиль — младшая сестра Натальи Иосифовны Ильиной, которая, вернувшись на родину, стала литератором, прозаиком).

³¹ Скопиченко О. Мой Харбин // Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 116—117 (Ольга Алексеевна Скопиченко (в замужестве Коновалова) жила в Харбине и Шанхае, эвакуирована на Тубабао (1948). С 1950 года жила в Сан-Франциско, занималась литературной и общественной деятельностью).

³² Абросимов И. Под чужим небом. М., 1990. С. 120.

ли по ложечке и „просвирки“ (пресные церковные хлебцы). Благодаря всему этому я уже с детства знал несколько молитв. Ну, а на Пасху я с бабушкой был вообще в соборе весь первый день. Все прихожане были нарядно одеты, веселы, все „христосовались“»³³.

19-я годовщина расстрела царской семьи (1937). В 1918 году большевики собрали всю царскую семью в Екатеринбурге в доме Ипатьева (Алексей и две его сестры были привезены сюда последними из Тобольска, где они до того времени пребывали). Приближение войск Колчака заставило Уральский совет поставить вопрос о судьбе бывшего царя. В середине июля совет провел свое заседание, вынесшее по указанию Ленина из Москвы смертный приговор всем.

Такова была версия трагического события — екатеринбургского злодеяния, дата которого как день общерусского траура отмечалась эмиграцией ежегодно — и отмечается за рубежом и сегодня. Воздействие этого жестокого убийства на детей и молодежь эмиграции было особенно негативным и острым. Оно, это убийство, наглядно подтверждало жестокость, злодейство и беззаконие «красных»: безжалостно убили даже цесаревича — ребенка. Для российской эмиграции в Китае этот день был траурным официально вплоть до 1945 года. Вот как в 1937 году прошла в Харбине 19-я годовщина екатеринбургского злодеяния.

Утром панихиды были отслужены во всех храмах города и привлекли массу русских людей, пришедших помолиться об упокоении души государя-императора и членов Августейшей семьи. Вечером панихиду служили в Свято-Николаевском соборе, куда задолго до начала — в 5 часов — стали стекаться толпы людей. Был заполнен весь храм, всех не вмещала и его ограда. Много молящихся стояло на Соборной площади. Вокруг ограды собора выстроились легковые машины русских шоферов с трехцветными флажками и траурными лентами на них. Правящий архиепископ Мелетий обратился к молящимся со словом, которое начал с указания на неизбежность печали в земной жизни человека и что особенно тяжка греховная печаль. Таковая лежит на русском народе, допустившем страшное злодеяние — убийство своего государя и его семьи, а также преданных ему людей. Только всеобщее покаяние способно, по словам владыки, прекратить это состояние. Далее он говорил о подвиге царской семьи, которая несла тяжкий крест, особенно тяжелый своей незаслуженностью.

После духовного слова владыки на паперть храма вышел крестный ход. Началась панихида, которую совершали три архипастыря — Мелетий, архиепископ Нестор и епископ Димитрий, в сослужении с протоиереями. Пел соборный хор под управлением регента Д. Я. Попова. В этот день велась траурная программа харбинской радиостанции, вещавшей на русском языке; в завершение передачи был исполнен русский национальный гимн «Боже, Царя храни»...³⁴

Это событие отражено в романе харбинской писательницы Наталии Ильиной³⁵, когда сотрудники «Русской мысли» идут в собор на панихиду по «государе императоре Николае Втором». Мать одной из главных героинь Тани (в ее образе угадывается Наталья Ильина) вместе с редакцией газеты идет в собор: «В церкви было очень душно.

³³ Попов К. В. Воспоминания о Харбине // Русская Атлантида. 2010. № 36. С. 55.

³⁴ Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 131–132.

³⁵ Наталия Иосифовна Ильина (1914, Санкт-Петербург — 1994, Москва) — русская писательница и журналистка, критик, публицист. Эмигрировала в 1920 году с семьей в Харбин, там же окончила гимназию. Ее мать — Екатерина Дмитриевна Воейкова-Ильина, дворянка из старинного рода Воейковых, отец — Иосиф Сергеевич Ильин, белогвардейский офицер. С 1936 года в Шанхае, работала журналисткой в ряде шанхайских изданий. В 1947 году репатрировалась в СССР; окончила Литературный институт в Москве. Печаталась в журналах «Юность», «Новый мир» и др. Наиболее известна ее художественно-мемуарная проза, отразившая личный опыт пребывания в эмиграции в Китае («Возвращение», кн. 1–2).

<...> Лучи солнца, проникавшие в церковь через разноцветные стекла окон, казались красными, фиолетовыми, зелеными; в них дрожали пылинки. Сурово смотрели темные лица угодников, освещенные желтыми огоньками свечей»³⁶.

Кафедральный собор в книгах Натальи Ильиной. С 1920-го до 1936 года писательница жила в Харбине, причем в 1920-х годах недалеко от Свято-Николаевского собора. Вот как она описывает Свято-Никольский собор в автобиографической книге «Дороги и судьбы»: «...на главной площади, на холме (от него круто вниз, мимо правления КВЖД, сбегала широкая улица, упиравшаяся в вокзал), возвышался, царил над городом деревянный собор с шестигранным куполом, а над ним гораздо ниже, по бокам крыши, маленькие луковицы с крестами»³⁷.

Вновь к образу этой же церкви писательница возвращается в другом очерке своей книги «Отец», начиная историю с вопроса о храме:

«— А собор?

— Ну что ты! Его давно уже нет!»³⁸

То есть после долгой разлуки с отцом героиня очерка говорит именно о Харбине и именно о Свято-Николаевском соборе, вновь подробно восстанавливая в своей памяти черты близкого места, недалеко от которого жила семья: «...в эти секунды я видела его бревенчатые стены, его шестигранный купол, а по бокам маленькие луковицы, с крестами, он стоял на главной площади, на холме, царил над городом, мне трудно было вообразить город без него, без «медного голоса» его колоколов, были еще церкви, но он — главный, там служились все торжественные молебны и панихиды, а мы, школьницы, забегали туда перед экзаменом свечку поставить...»³⁹

Такое внимание к собору не случайно, ведь в 1920—1930-е годы храм был символом русской части Харбина. Кроме того, именно в этом храме находилась икона Николая Угодника. Перед этой иконой молились и ставили свечи русские эмигранты очерка «Отец» и автор повествования.

В романе «Возвращение» приводятся и другие узнаваемые описания Свято-Николаевского собора. Мать Тани Софья Павловна ранним утром выходит из своей части города (Нового города), чтобы попасть в Модягоу (еще один район Харбина). Немолодая женщина идет пешком и неизменно проходит по «вокзальному проспекту», где стоит деревянный собор, «похожий на пряничный домик: строители явно пытались подражать старинной русской архитектуре»⁴⁰.

Теснее других персонажей связанным с собором оказывается художник Неньянский. Художник любит осенним видом церкви и задумывает создать картину, которую, скорее всего, не сможет продать китайским любителям живописи: «Художнику казалось, что вид из его окна этой осенью особенно хорош: в прозрачном воздухе контуры уже тронутых золотом деревьев и куполов собора были удивительно четкими»⁴¹. Звон церковных колоколов напоминает художнику, живущему на чердаке, о времени: после обедни, в двенадцать часов дня по округе разносятся колокольные звуки.

Можно предполагать, что художник Неньянский — это не вымышленный персонаж.

Из русских художников, проживавших в Харбине, наибольший интерес к городу и его окрестностям проявлял художник М. М. Лобанов. Его имя было хорошо известно харбинцам, где он прожил почти четверть века (с 1931-го по 1954 год) и за это время написал сотни картин и этюдов, в которых отобразил город и реку Сунгари. Его кар-

³⁶ Ильина Н. Возвращение: Роман. Книга первая. М.: Советский писатель, 1969. С. 39.

³⁷ Ильина Н. Дороги и судьбы. М.: Московский рабочий, 1991. С. 26.

³⁸ Ильина Н. Отец // Ильина Н. Дороги и судьбы. М.: Московский рабочий, 1991. С. 534.

³⁹ Там же (собор был снесен хунвейбинами в 1966 году).

⁴⁰ Ильина Н. Возвращение: Роман. Книга первая. М.: Советский писатель, 1969. С. 24.

⁴¹ Там же. С. 272.

тины на выставках в Харбине пользовались неизменным успехом у посетителей. Он запечатлел на своих полотнах православные храмы: Свято-Николаевский собор, Свято-Алексеевскую церковь, Успенскую церковь на кладбище, Покровскую церковь на Старом кладбище, Софийский храм, Николаевскую церковь в Затоне, Иверскую часовню, а также Успенское кладбище⁴².

В романе «Возвращение» собор — это не только место общения с Богом. Под сводами церкви венчаются русские харбинцы с надеждой на благополучие будущей жизни, а вовлеченные в круговорот политических событий люди здесь же предполагают разные варианты о спасении России. Колокольный звон, далеко разносящийся по округе, свидетельствует не только о церковных праздниках, но и о событиях, к которым русские харбинцы никогда не были равнодушными.

950-летие Крещения Руси. 29 июля 1938 года митрополит Мелетий с большим успехом провел в Харбине Владимирские юбилейные торжества в честь 950-летия крещения Руси (Харбин был единственным местом в мире, где всем городом отметили 950-летие Крещения Руси)⁴³. В день святого князя Владимира утром крестные ходы из многих церквей собрались у Свято-Николаевского собора на площади, где был отслужен торжественный молебен. В этот же день вечером в здании Железнодорожного собрания состоялся духовный концерт, состоявший из духовных песнопений объединенного хора Свято-Николаевского собора, Софийской и Иверской церквей⁴⁴.

Перед началом концерта был доклад на тему данного торжества, а после концерта были сделаны еще два доклада. Концерт начался исполнением Гимна князю Владимиру и «Славы» под управлением Ипполита Петровича Райского; обе вещи были в его аранжировке. Затем был исполнен пасхальный концерт Бортнянского «Сей день, его же сотвори Господь» под управлением регента Софийской церкви Ивана Максимовича Воротникова, после чего был исполнен величественный концерт Бортнянского для двух хоров «Воспойте, людие, боголепно в Сионе». Хором дирижировал регент Иверской церкви Валериан Степанович Лукша. Певцы были разделены на два хора: один был размещен на сцене, а другой на балконе. В. С. Лукша стоял на сцене перед певцами, управляя обоими хорами; находившиеся на балконе певцы должны были следить за движениями руки регента на сцене⁴⁵.

«На границе тучи ходят хмуры». В 1938 году имела место серия столкновений между Японской императорской армией и РККА из-за оспаривания Японией принадлежности территории у озера Хасан и реки Туманная. Май—сентябрь 1939-го — японо-советское столкновение за спорные территории вдоль реки Халхин-Гол. В том же 1939 году на экраны вышел фильм «Трактористы», где была песня «Три танкиста»; ее первая строфа: «На границе тучи ходят хмуры...» Далее повествуется, что японцы повели себя «неадекватно»:

На траву легла роса густая,
Полегли туманы широки.

⁴² Жернаков В. Н. Политехник (Сидней). 1975. №7. См.: Харбин в картинах художника М. М. Лобанова // Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 214—216 (в 1939 году Лобанов издал альбом своих автолитографий «Виды Харбина». В нем содержатся восемь автолитографий, в том числе «Николаевский собор» «Успенская церковь на кладбище», «Софийский храм». В настоящее время этот альбом является библиографической редкостью).

⁴³ Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1998. С. 11.

⁴⁴ Капран И. К. Музыкальный Харбин: церковные хоры // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Материалы третьей международной научно-практической конференции. Владивосток, 5—7 сентября 2001 г. Владивосток, 2003. С. 152.

⁴⁵ По материалам издания: Троицкая С. Русский Харбин: Воспоминания. Брисбен, 1995. — 64 с.

В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.

После чего они получили адекватный ответ:

Мчались танки, ветер поднимая,
Наступала грозная броня,
И летели наземь самураи
Под напором стали и огня⁴⁶.

Японцев, рассматривавших вначале русских эмигрантов как естественных союзников в своих милитаристских устремлениях против СССР, скоро постигло разочарование. Оказалось, что русское население Маньчжурии охотно участвует в пропагандистских антибольшевистских акциях, но в массе своей не склонно воевать с соотечественниками. Поведение японцев резко изменилось. Оккупационный режим ужесточился, началась японизация всех форм жизни русской колонии. Исконно русские названия улиц и храмов постепенно обрели японские «дубли», что явствует, например, из записок харбинки, жившей в те годы в городе на Сунгари.

После долгих лет Харбин стал для меня воображаемым городом. Когда я вижу его название в атласе, я удивляюсь, почти поражаюсь. Харбин моего детства внезапно возникает в моей памяти с его огнями, запахами, пылью, деревьями, душистыми растениями.

Мадзяко, наш Мадзяко⁴⁷, его дома, дворы, фруктовые сады, пустыри... Воскресный трамвай, везущий нас к Сунгари, проезжает по еще спящему городу в безмятежной утренней свежести. Он медленно поднимается вверх по склону улицы Гисю⁴⁸ до Чурина.⁴⁹ Там он поворачивает налево, чтобы проехать по Дайтеку-гай.⁵⁰ Скоро на нашем пути появляется силуэт собора святого Николая. «И вот он — Тюо-Дзиин!»⁵¹ — кричим мы, очень гордые и счастливые. Приехав на круговую площадь, трамвай идет вдоль собора святого Николая и заметно замедляет ход, как будто бы любуясь им и как будто бы давая нам время, чтобы сделать то же самое. Великолепное сооружение, построенное целиком из дерева! Собор святого Николая — наша гордость! Самый красивый, самый прекрасный, самый великолепный!⁵²

Широкая улица, поднимающаяся к вокзалу через площадь собора Святого Николая, называлась Хорватовский проспект в честь управляющего железной дорогой Северо-Восточного Китая Дмитрия Леонидовича Хорвата⁵³. Для китайцев она была Челаньцзе, что просто означало «улица вокзала», а японцами она произносилась как Сятангай.

Памятник жертвам Коминтерна (1941). В 1941 году на Соборной площади, в непосредственной близости от собора, был возведен памятник Борцам с Коминтерном.

⁴⁶ Слово «самураи» (в строках: «В эту ночь решили самураи»; «И летели наземь самураи») сегодня из-за «политкорректности» заменяются на «вражья стая».

⁴⁷ Японское произношение Модягоу, одного из районов Харбина.

⁴⁸ Новоторговая улица.

⁴⁹ Большой русский магазин.

⁵⁰ Большой проспект.

⁵¹ Таким образом японцы называли собор Святого Николая. Это означает «церковь в центре».

⁵² Kumiko Muraoka Memoires d'une Somnambule // Rev. Etud. slaves, Paris, LX XIII/2—3. 2001, p. 387—401. Цит. по: Кумико Мураока (Париж, Франция). Воспоминания сомнамбулы // Русская Атлантида. 2004. № 11. С. 61.

⁵³ Дмитрий Леонидович Хорват — генерал-лейтенант, управляющий КВЖД в 1902—1918 годах.

Началось с того, что после японо-советских конфликтов на Халхин-Голе и озере Хасан японские власти настояли на участии духовенства в устроенных ими пышных похоронах погибшего от советской пули эмигрантского юноши Натарова, воевавшего в рядах Квантунской армии. Останки везли на лафете, впереди вели под уздцы коня без седока. Отпевание состоялось в кафедральном соборе, а погребение — в соборной ограде (и это при том, что останки героя Гражданской войны генерала В. О. Каппеля скромно покоились в ограде Иверской церкви). Духовенство это мероприятие несколько «покоробило»⁵⁴.

Из дневника Нины Мокринской, сентябрь 1939 года. «В Харбин с монгольского фронта доставлено тело русского генерала. Он воевал вместе с японцами, надеясь спасти Россию от большевиков. Было устроено отпевание в соборе. Жаль видеть таких настойчивых „русских патриотов“. У самих сил мало, вот и присоединяются к японцам, которые „что-то обещают“. Я уверена, что рано или поздно „красные“ поймут свою ошибку и опомнятся: все идет волнами, сейчас нахлынула „красная“, потом накатит „белая“»⁵⁵.

Тогда же японцы инициировали строительство на Соборной площади часовни, надпись на которой гласила: «Борцам против Коминтерна». Возводиться она должна была на средства харбинцев, и все архиереи должны были участвовать в сборе пожертвований, хотя их самих и все духовенство Харбина очень смущала уместность подобной надписи на православной часовне⁵⁶. (Владыку Виктора (Святина), архиепископа Пекинского и Китайского, японцы вынудили занять пост председателя Антияпоинтерновского союза Северного Китая.) Начались угрозы, прямое и грубое вмешательство в дела церковного управления и попытки столкнуть между собой русских иерархов.

Владыка Виктор был принудительно вызван японскими властями из Пекина в Харбин, где под страхом объявления его военным преступником ему было предложено передать священнослужителей церквей и подворий Российской духовной миссии на территории Маньчжурии в ведение Харбинской епархии. Доверенность на управление имуществом была дана митрополиту Мелетию. Эти подворья появились на территории Маньчжурии еще в начале века, и владыка Мелетий, сам возглавлявший некоторое время одно из них, отнюдь не стремился изменить существующий порядок. Однако, японцы видели в духовно-просветительской деятельности миссии среди китайского населения угрозу своей политике «японизации» и поэтому подвергли ее всем мыслимым и немислимым утеснениям. Была попытка создания вопреки воле харбинских архипастырей антиканонического и подконтрольного японцам Церковного управления Восточной Азии⁵⁷.

Коммунистический интернационал (Коминтерн, III Интернационал) — международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919—1943 годах. По формулировке Ленина — «союз рабочих всего мира, стремящихся к установлению Советской власти во всех странах». Первый председатель Исполкома Коминтерн (1919—1926) — Григорий Евсеевич Зиновьев (Овсей-Гершен Аронович Радомысльский)⁵⁸. С освобождением Зиновьева от должности председателя ИККИ на VII пле-

⁵⁴ Караулов А. К., Коростелев В. А. Поборник церковного единения // Русская Атлантида. 2002. № 8. С. 39. / То же: Караулов А. К., Коростелев В. А. Поборник церковного единения // Китайский благовестник. 2003—2004. С. 7.

⁵⁵ Ковальчук В. Н. История харбинской Золушки // Восточный базар. Март 2006 г. № 86.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Караулов А. К., Коростелев В. А. Поборник церковного единения // Русская Атлантида. 2002. № 8. С. 39 / Караулов А. К., Коростелев В. А. Поборник церковного единения // Китайский благовестник. 2003—2004. С. 7.

⁵⁸ Расстрелян 25 августа 1936 года.

нуме ИККИ (ноябрь—декабрь 1926 года) руководящее положение в Коминтерне занял Николай Иванович Бухарин, «верный ленинец», теоретик «красного террора»: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»⁵⁹. 19 июня 1929 года на X пленуме ИККИ отстранен от поста члена Президиума ИККИ⁶⁰.

Одна из самых позорных страниц в истории мирового коммунистического движения — сталинские репрессии, обрушившиеся в 1930-е годы на искавших политическое убежище в СССР зарубежных коммунистов, социал-демократов, представителей других антифашистских сил. Стремясь превратить Коминтерн в орудие своей личной власти, Сталин нанес жестокий удар по размещавшимся в Москве аппаратам и активу Коминтерна и руководимых им организаций. В 1935 году была учреждена должность Генерального секретаря ИККИ; им стал Георгий Димитров⁶¹ — вплоть до самороспуска Коминтерна в 1943 году. Коминтерн был формально распущен 15 мая 1943 года. Роспуск Коминтерна фактически являлся требованием западных союзников по антигитлеровской коалиции для открытия ими второго фронта в Европе против Германии.

Памятник белоэмигрантам, погибшим в борьбе с Коминтерном, был установлен в июне 1941 года на Большом проспекте, недалеко от Николаевского собора (архитектор П. С. Свиридов, скульптор Н. И. Зверев, производитель работ Н. П. Калугин). Этот памятник напоминал своим обликом часовню в стиле русской архитектуры XVII века⁶². Памятник высотой 12 метров был выполнен из светло-серого гранита в псевдорусском стиле. В нишах двух боковых фасадов — барельефы, высеченные из гранита: Георгий Победоносец, поражающий копьём змия, и архистратиг Михаил, разящий огненным копьём и попирающий ногой дьявола. С южной стороны памятника было написано: «Героям, павшим в борьбе с Коминтерном».

Внутри памятника находился мраморный саркофаг с врезанной памятной доской, надпись на которой гласила: «С благословения Высокопреосвященнейшего митрополита Мелетия, разрешения и при содействии властей во главе с начальником Импера-

⁵⁹ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода», глава X.

⁶⁰ 13 марта 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала Бухарина виновным и приговорила его к смертной казни. Смертный приговор Бухарину был вынесен на основании решения комиссии, которую возглавлял Микоян, членами комиссии из 35 человек были также Л. П. Берия, Н. И. Ежов, Н. С. Хрущев.

⁶¹ Димитров активно поддерживал идею создания Болгаро-Югославской федерации, что после разрыва И. В. Сталина с Иосифом Броз Тито вызвало большое недовольство советского руководства. В январе 1949-го Димитров был изолирован от общества, и только в апреле 1949 года было сообщено, что он заболел и находится на лечении в СССР. Незадолго до своей смерти, в апреле 1949 года, Димитров приехал в Москву вместе с Лаврентием Берией, по настоятельной просьбе самого Берии, где умер в июле того же года. Тело Димитрова не отдавали болгарам последующие пять лет. Волосы и мозг Димитрова были обследованы в МВД, и в них была обнаружена ртуть значительно выше обычной дозы для нормальных процессов — около 48 мг/кг при норме 2,33 мг/кг. По мнению экспертов, ядовитые дозы в мозгу вождя являются доказательством того, что его смерть наступила не из-за запущенного алкоголизма, как ходили слухи, и не из-за ишемической болезни, а из-за вероятного отравления. В начале XXI века болгарские историки всегда обходили щекотливый вопрос о его смерти. Бальзамированное тело Георгия Димитрова в саркофаге было помещено в специально построенный мавзолей. После падения коммунистического режима в Болгарии, в 1990 году, тело Димитрова было вынесено из мавзолея. После кремации прах Георгия Димитрова был захоронен на Центральном кладбище Софии. Мавзолей в центре Софии был взорван с пятой попытки. 21 августа в результате двух взрывов мавзолей разрушился не целиком, и его разбирали еще в течение нескольких дней.

⁶² Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск, 2001. С. 91.

торской Ниппонской военной миссии генералом Хата и его преемником по должности начальника миссии, генералом Янагита, по инициативе начальника Главного Бюро по делам российских эмигрантов, генерала от кавалерии В. А. Кислицына, Строительным комитетом под председательством Императорской Ниппонской армии майора Наимура, при секретарях М. Мацубара и М. Н. Гордееве, при наблюдающем за возведением памятника инженер-архитекторе Н. С. Свиридове, при производителе работ инженере Н. П. Калугине и его помощнике инженере В. Н. Феоктистове, скульпторе Н. И. Звереве, на средства населения Маньчжурской Империи, воздвигнут сей памятник в лето от Рождества Христова 1941-ое, эры Кан-Дэ 8-ое»⁶³.

Вспоминает харбинка Н. Н. Лалетина (Николаева): «Одним из центральных событий города в сороковых годах была постройка памятника жертвам в борьбе против Коминтерна. Это событие всколыхнуло в нас, школьников, патриотические чувства, непосредственных свидетелей строительства и всей дальнейшей его судьбы, и когда памятник открыли и освятили, нас строем повели к нему. Был молебен освящения и панихида по погибшим. Все было торжественно, особенно молебен, пришло все духовенство из стоявшего рядом нашего любимого собора. И Дзиндзя, и памятник герою Натарову, погибшему в бою с большевиками, были неподалеку друг от друга, на Соборной площади, но, главное, неподалеку от нашей школы на Таможенной улице. Кроме того, каждое утро, идя в школу и после школы, мы шли мимо и всегда заходили в маленький скверик перед памятником, закидывали подальше свои сумки с книжками, сидели на скамеечке, а то и у подножия памятника»⁶⁴.

После прихода Красной армии в город памятник герою Натарову и Борцам против Коминтерна был взорван, и на его месте построен памятник советским воинам-освободителям северо-востока Китая от японского владычества. Он и сейчас стоит на Соборной площади возле Московских рядов, на вершине его две фигуры матроса и солдата, высоко поднявших герб Советского Союза. Теперь вокруг него построена железная изгородь, и деревца, посаженные в те времена, вымахали до его вершины»⁶⁵.

24 октября 1945 года в Харбин прибыли Преосвященный епископ Ростовский и Таганрогский Елевферий и священник московской Воскресенской церкви Григорий Разумовский, составлявшие патриаршую делегацию. Гостей приветствовали местные харбинские архипастыри — архиепископ Дмитрий и епископ Ювеналий с духовенством, а на следующий день — архиепископ Нестор.

«В день праздника Октябрьской революции, 7 ноября, мы участвовали в торжестве открытия памятника русским воинам, освободившим Харбин от японцев, — вспоминал священник Григорий Разумовский. — Стоя на трибуне в числе почетных гостей, мы отлично видели все торжество. Памятник поставлен на Соборной площади. По окончании митинга, как только отзвучало эхо 24-кратного салюта, раздался торжественный трезвон с колокольни собора. Православный люд, участники праздничного торжества, заполнили собор и прилегающую площадь. Служением четырех иерархов было совершено торжественное благодарственное молебствие по случаю Победы славной Красной Армии над агрессорами, с многолетиями Родине, ее вождям и воинству»⁶⁶.

...Если от железнодорожного вокзала подниматься вверх по Honglun jie, то через 15 минут ходьбы можно выйти на площадь, окруженную высотками из стекла и бе-

⁶³ <https://forum.vgd.ru/post/614/31743/p2094448.htm#pp2094448> (Дата посещения 19.10.2022). В августе 1945-го памятник был снесен, на его цоколе воздвигнут новый памятник.

⁶⁴ Лалетина (Николаева) Н. Н. Японцы // Русская Атлантида. 2009. № 34. С. 37.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Разумовский Григорий, свящ. Патриаршая делегация в Харбине // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 12. С. 17.

тона. Они подавляют скромный памятник, установленный здесь в честь советских воинов. На постаменте надпись по-русски: воздвигнуто в память советских воинов, павших «за свободу и независимость Союза Советских Социалистических Республик». Советский человек привык к такого рода «клише», и вроде бы все так и надо. Но все же где логика? Если за свободу СССР, то почему памятник в Китае? Если за свободу Китая, то при чем здесь независимость Советского Союза? В годы советско-китайской «холодной войны» по поводу этого монумента кипели споры: сносить или нет? Ограничились тем, что в памятные дни советским дипломатам не разрешалось приезжать из Пекина в Харбин для возложения венков к подножию памятника. Но это — в прошлом⁶⁷.

«Дзиндзя» — синтоистское святилище. Годы японской оккупации Маньчжурии были для ее обитателей особенно тревожными. В этот период, чтобы сохранить независимость Церкви от мирских стихий, духовенству приходилось в буквальном смысле слова лавировать между эмигрантскими организациями и группировками различной ориентации. Все они состояли из верующих людей, и каждая стремилась перетянуть духовенство на свою сторону.

А чего стоит один только эпизод с языческой богиней Аматерасу, статую которой японская власть безуспешно пыталась водворить для поклонения в харбинские православные храмы! Спротивление этому требовало от находившихся в Харбине архиереев и от настоятеля Свято-Николаевского собора о. Леонида Викторова стойкости, выдержки и чрезвычайно крепких нервов.

Как писал архимандрит Константин (Зайцев) (в предвоенное время он, будучи еще мирским человеком, служил у японцев по Министерству иностранных дел): «Создана была для не-японцев целая идеология, совершенно искусственная, но единственно способная уверить японца, что он действительно победитель. Практически это в Харбине выразилось так. Сначала японцы потребовали у всех, кто хоть какое-нибудь общественное дело делает, начинать его с поклона в сторону императора. Школа ли, присутственное ли место, официальная какая организация — все и всегда обязаны так начинать каждый день. Тут еще ничего духовно-недозволительного не было: знак почтения в отношении действующей власти. Потом постепенно стали давать понять, что поклон этот делается не только в сторону дворца, но и в сторону „храма“ — богини Аматерасу»⁶⁸.

Пока требования японских властей не касались основ христианской веры, харбинские архиереи реагировали на них достаточно сдержанно, а иногда просто тихо их саботировали. Однако наступил момент, когда требования стали невыносимыми и нужно было давать отповедь. В начале 1943 года японская администрация опубликовала «Наставление верноподданным». Документ этот предписывал, среди прочего, всему населению подконтрольных Японии территорий «благоговейное поклонение» языческой богине Аматерасу, по преданию считающейся основательницей японского императорского рода. Предписывалось в определенные дни совершать поклонения японским храмам, а статую предполагалось также, ни много ни мало, разместить в православных храмах Маньчжурии (*приложение 3*).

Над православными людьми нависла угроза осквернения святыни и впадения в мерзость идолопоклонства. У верующих христиан это вызвало бурю негодования и было воспринято как глумление над их религиозными чувствами. Духовенство держалось стойко. Некоторые священнослужители Харбинской епархии из-за отказа поклоняться богине Аматерасу были принудительно переведены из Харбинской епархии в Пекин. Другие вынуждены были бежать из Маньчжурии, бросая свои дома и семьи. Священ-

⁶⁷ Августин (Никитин), архимандрит. Харбин. Страницы русской истории // Эхо планеты. Февраль 2006.

⁶⁸ Православный путь. Джорданвилль, 1970. С. 25.

ники, в наиболее резкой форме выражавшие свое неповиновение, были убиты (священники Александр Жуч и Феодор Боголюбов, а также иеромонах Павел)⁶⁹.

Однако руководители Бюро по делам российских эмигрантов (созданной Японской военной миссией организации, ведавшей всеми вопросами жизни русских эмигрантов) и некоторых гражданских организаций, в том числе школ, дрогнули. Епархиальный миссионер протоиерей Аристарх Пономарев в годовом отчете подтверждал, что виднейшие представители русской эмиграции, подавая пример соотечественникам, не только поклонялись богине, но также участвовали в ритуальных жертвоприношениях⁷⁰.

Архиереям пришлось проявить недюжинную выдержку и мужество, чтобы втолковать японцам смысл христианского догмата о Единобожии и прекратить насильственное понуждение верующих к поклонениям. Наиболее бескомпромиссную позицию в этом вопросе занимал архиепископ Нестор⁷¹. (Тем не менее владыка Нестор умел договориться с Японской военной миссией о том, чтобы не брали на военную службу в отряд «Асано»⁷² русских молодых людей, на попечении которых были престарелые родители или дети. Так он спас от службы в отряде «Асано» Пешкова Георгия Валерьяновича как кормильца семьи⁷³.)

«Богиня Аматерасу, — увещевал сомневающихся начальник Японской военной миссии, — прародительница Императорской династии. Отвергнуть ее — значит отвергнуть весь наш государственный строй... Вы, конечно, можете иметь своих богов — Христа, Кришну, Будду, Конфуция, Магомета — это ваше частное дело, но все эти ваши боги пребывают в свете великой богини солнца Аматерасу»⁷⁴.

Заветной мечтой православного населения Харбина был проект сооружения нового каменного собора на месте существовавшего деревянного, хотя и исключительно художественного по стилю, но уже недостаточного по размерам и не гармонизировавшего с разросшимися вокруг него крупными городскими зданиями⁷⁵.

В здании Московских торговых рядов напротив Свято-Николаевского собора находился музей. Среди экспонатов был белый макет солидного собора, который намерена была построить русская администрация города на большом участке, обнесенном

⁶⁹ Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1900—1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства. — 1998. С. 83.

⁷⁰ Божией милостью архиерей Русской Церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского / Авт.-сост. С. В. Фомин. М., 2002. С. 133.

⁷¹ Поздняев Дионисий, священник. Харбинские архиереи и поклонение Аматерасу в Маньчжурской Империи // Восточная Азия—Санкт-Петербург—Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. 2—6 октября 2000 г. Тезисы и доклады. www.orient.pu.ru.

⁷² В начале 1938 года было сформировано первое русское военное подразделение в составе армии Маньчжоу-Го, получившее название по имени его командира — майора (с 1939 года — подполковника и позднее полковника) Асано Макото. Это вооруженное формирование состояло из белых эмигрантов, живших в Маньчжурии. Вначале в отряд «Асано» набирались добровольцы. Позднее набор проходил в порядке мобилизации лиц из среды эмигрантов в возрасте от 18 до 36 лет. Взвод отряда «Асано» принимал участие в боях у озера Хасан, в боях в районе реки Халхин-Гол (май—сентябрь 1939 года). С декабря 1943 года отряд «Асано» был переформирован в Русские воинские отряды Маньчжурской императорской армии. На этом история данного военного подразделения — отряда — «Асано» закончилась.

⁷³ Раззигаева (Омельчук) Н. П. Неугасимая свеча // Русская Атлантида. 2000. № 3. С. 6.

⁷⁴ Дьяков И. А. Аматерасу. Правда о пережитом в Трехречье за веру и отчизну // Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1900—1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998. С. 189. См. также отд. изд.: Дьяков И. А. О пережитом в Маньчжурии за веру и Отечество. Записки православного. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2000.

⁷⁵ Нилус Е. Х. Деятельность церковного отдела управления КВЖД (Обзор церковной жизни полосы отчуждения) // Русская Атлантида. 2009. № 33. С. 19.

оградой, напротив Московских торговых рядов по Вокзальному проспекту. Однако революция в России нарушила все планы, и солидный собор не был построен. До занятия японцами Маньчжурии на этом участке происходили школьные парады. Захватив в свои руки власть, японцы построили там синтоистское святилище «Дзиндзя»⁷⁶, разрушенное после поражения Японии во Второй Мировой войне.

Вспоминает харбинка Н. Н. Лалетина (Николаева): «Сам храм стоял в глубине огражденного пустого пространства, вход в которое был обозначен двумя высокими каменными столбами с такой же перекладиной наверху, как буква П, только перекладина выступала своими концами дальше столбов. Никаких, естественно, ворот не было. Можно было зайти, сфотографироваться, стоя на ровной, выложенной камнем дорожке, уходящей к храму. Вот на его фоне мы любили фотографироваться, а то и возле столбов, закинув *фуросики* (японские авоськи) с учебниками за столб, чтобы не видно их было на фотографии. Нам нравилось почему-то ходить туда, там всегда был услужливый китаец-фотограф, и карточки-пятиминутки тут же были готовы. Такие походы бывали обычно зимой.

Летом были другие мероприятия. Нас, всех учащихся эмигрантских школ, „гоняли“ кланяться богине Аматерасу, в определенные праздничные дни такие походы были не а руку, не надо было полный день корпеть в классах, все же было разнообразие! После ритуала поклонения распускали по домам. Но мы оставались на Соборной площади и ждали, когда начнется праздничное шествие. Что это было, трудно сказать, скорее не шествие, бег! Из храма Дзиндзя выбегали носильщики с носилками, на которых стояла пагода-домик с японской богиней Аматерасу. Ее несли не менее десяти, а то и больше носильщиков, к носилкам были прикреплены соломенные толстые веревки, вот их-то, переложив полотенцами, перекидывали на плечи. Носильщики были полунагие, в коротких мужских кимоно, полы которого завязывались концами, а головы их были повязаны белыми полотенцами для вытирания обильного пота. Они бегали аккуратно трусцой и при этом выкрикивали все в раз: „Ей-се-ей-се!“ — как бы маршируя в ногу. Так они бегали заворуженно кругами поблизости от храма Дзиндзя, пот — градом, а вокруг — изумленная толпа зевак. Японцы шли в храм поклониться, совершить молитву и омовение рук. Церемония проходила в полном молчании»⁷⁷.

Вот еще одно свидетельство такого рода: «В особые дни все школы, по классам, строем во главе с учителями, идут к собору, сбоку от которого стояло какое-то подобие храма, и все должны были, перед всем известной часовней Божией Матери — делать эти поклоны в сторону этого подобия храма... И делали! Что касается детей, то, конечно, часто не давали они себе даже полного отчета в смысле совершаемого. Но тут бывали и исключения. По соседству с нами жила одна семья, так девочка их, одного уже из старших классов, с плачем выбежала из строя и примчалась домой — не может она этого делать... Но, по общему правилу, все так делали...»⁷⁸

Другая подобная картина. Русская школа в Трехречье. В присутствии благочинного и казачьего атамана проходит собрание, на котором зачитываются составленные японскими властями «Наставления верноподданым»: «Мы, верноподданные, должны благоговейно почитать богиню Аматерасу Оомиками». «Я невольно взглянул на отца благочинного, — вспоминает очевидец, — стараясь определить впечатление, произведенное на него этими словами, но отец Прокопий, к сожалению, сидел с опущенной головой; тогда я перевел взгляд на атамана и молодежь. На их лицах была написана безнадёжная покорность, безразличие и скука»⁷⁹.

⁷⁶ Дзиндзя (яп.) также читается как ясиро- синтоистское святилище, вместе с территорией вокруг. Чаше под «дзиндзя» понимают только само святилище.

⁷⁷ Лалетина Н. Н. (Николаева) (г. Огре, Латвия). Японцы // Русская Атлантида. 2009. № 34. С. 33.

⁷⁸ Православный путь. Джорданвилль, 1970. С. 25.

⁷⁹ Дьяков И. А. Аматерасу. С. 180.

Японский следователь, ведший дело нашедшегося все же человека, который как христианин отказался отдавать неподобающие почести синтоистской богине, недоумевал: «Что вас заставляет так упорно отстаивать ваши убеждения? Только вы один протестуете против почитания нашей богини Амагерасу. Нигде, даже в Харбине, где живут тысячи русских и ваши архиереи, этот вопрос не вызывает никаких возражений»⁸⁰. (Праведен суд Господень: не хотели чтить своего Всероссийского императора, злословили его, — кланяйтесь императору японскому. Соучаствовали в свержении Им установленной власти, поправ тем самым веру своих отцов, — кланяйтесь языческому идолу⁸¹.)

Но разумеется, не во всех иссякла вера. Архиепископ Нестор обратился к митрополиту Харбинскому Мелетию с просьбой оградить православных людей, и прежде всего детей, от участия в богопротивных церемониях. В ответ на этот призыв архиереи Харбинской епархии (владыка Мелетий и его викарии — архиепископ Димитрий и епископ Ювеналий) выступили с архипастырским посланием, в котором недвусмысленно заявили о недопустимости поклонения языческим божествам⁸².

Особенно владыка Мелетий протестовал против предполагаемой японской администрацией установки статуи богини Амагерасу в приделах Свято-Николаевского собора. Тогда это было расценено как мужественный поступок с учетом психологии японцев и их фактической безраздельной властью на всех оккупированных территориях. Послание вызвало воодушевление русских прихожан, почувствовавших защищенность своей веры, а японские власти были так удивлены столь энергичным протестом, что не решились продолжать давление на православных и даже отменили этот этически сомнительный приказ.

Отношение японцев к подобным проблемам, по словам архимандрита Константина (Зайцева), «было обычно таким: их тактика должна была вызвать „добровольное“ выполнение требуемого! Никаких видимых проявлений принуждения не должно быть! Тех, кто после этого не совершали поклонов, — не трогали. Не трогали и тех представителей духовенства, которые соответственно себя вели. Но мое положение было иное: я был мирянин — и не в свое дело вмешался. Меня надо убрать»⁸³. И не только убрать, но и выслать в... советскую Россию.

Из всей этой истории можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, оказалась забытой вся история первохристиан, были преданы подвиги тысяч христианских мучеников. И ведь отказ поклониться языческому капищу смертью не грозил, могли последовать лишь какие-то ущемления, неудобства. Но и на *такие* микроскопические жертвы большинство русских, именовавших себя православными и осуждавших своих малодушных братьев и сестер в России, были не готовы. Но Бог милостив: в условиях охватившего тогда дальневосточную эмиграцию *духовного нечувствия* Он не довел дело до выбора перед *каждым* эмигрантом, каковой должен был сделать К. И. Зайцев (будущий архимандрит Константин): поклоны языческому храму или высылка в советскую Россию на верную смерть. Если бы это было попущено, сколько бы душ погибло безвозвратно...⁸⁴

Тем не менее посягать на русские традиции «самураи» не решились.

⁸⁰ Там же. С. 226.

⁸¹ Божией милостью архиереев Русской Церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского / Авт.-сост. С. В. Фомин. М., 2002. С. 135–136.

⁸² Разжигаева Н. П. Трагическая судьба Благовещенского храма в Харбине // Русская Атлантида. Челябинск. 2001. № 5. С. 30–31.

⁸³ Константин (Зайцев), архимандрит // Чудо Русской истории. Сост. С. В. Фомин. М., 2000. С. 17–18.

⁸⁴ Божией милостью архиереев Русской Церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского / Авт.-сост. С. В. Фомин. М., 2002. С. 138.

**Приложение 3. Диакон Иоанн Хайларов (Москва).
Харбинские архиереи и поклонение Аmaterасу
в Маньчжурской империи // Китайский благовестник.
2000. № 2. С. 18–27**

«Божественное основание Государства Нашего должно благоговейно почитаться, и народ наш всегда возносит горячие благодарные моления Аmaterасу. Мы, по божественному благоволению богини Аmaterасу, восшли на Императорский Трон и этим Императорская власть незыблемо утверждается в беспредельной вечности времен»⁸⁵ — так начинался Манифест императора Пу И по случаю десятилетия основания Маньчжурской империи.

Эта империя была создана на Северо-Востоке Китая в 1932 г. Ее правителем стал последний император Цинской династии Пу И, лишившийся трона Поднебесной Империи в результате Синьхайской революции 1911 г. Реальными хозяевами империи были японцы, своим военным присутствием обеспечивавшие «независимость» этого новосозданного государства, предназначение которого было в том, чтобы способствовать распространению власти Японии и ее императора, Божественного потомка богини Солнца Аmaterасу, на Евразийском материке.

На Северо-Востоке Китая к тому времени проживало значительное число русских эмигрантов. Формирование русской общины в Маньчжурии началось еще в конце XIX в. и было связано со строительством Китайской Восточной Железной дороги. Впоследствии в результате революции один из крупных потоков российской эмиграции сформировал целые районы русскоязычного населения в Маньчжурии — как области компактного проживания в Трехречье, так и целый русский, по преимуществу, город Харбин. Достаточно сказать лишь, что в Харбине было к середине 40-х годов 23 православных храма, а по всей территории Маньчжурии — более семидесяти храмов.

Новосозданная империя стала областью активных межэтнических контактов благодаря тому, что в Маньчжурии проживали, помимо китайцев, русские, маньчжуры, монголы, корейцы и японцы. Последние составляли высший слой общества в силу своей принадлежности к «божественной нации Ямато». Исходя из веры в божественное достоинство своей нации, они стремились утвердить особый порядок в империи, призванный воплотить небесную гармонию в земной, социально-политической жизни империи. Порядок государственного устройства империи Маньчжудиг являл собой традиционный порядок восточного общества, в котором особая, совершенно исключительная роль отведена была правителю, в данном случае императору Пу И.

Власть правителя в традиционных обществах Востока определялась его сакральной функцией — он настолько имел право властвовать над народом, насколько он осуществлял связь народа с Небом (в Китае император именовался одновременно Сыном Неба и Правящим Императором, что указывает на две взаимосвязанные сферы его власти; император Древнего Китая как сын Неба обретал и власть управления важнейшей частью земного мира — Срединным государством). Сакральность Правителя в традиционных обществах Востока определяла его функцию как Верховного Жреца, посредника между людьми и божеством. В представлениях древних народов Востока через Правителя Небо проявляло и распространяло в мире Высший Закон, и именно Император осуществлял божественные действия в человеческой форме, что должно было способствовать продолжению самого существования его государства.

⁸⁵ Манифест Его Величества Императора по случаю десятилетия основания государства // Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 7.

Значительное внимание в Маньчжудуго уделялось общественным церемониям, в которых должны были принимать участие все жители Империи — как подданные Императора Пу И, так и те, кто нашел гостеприимный приют в Маньчжурии. Одним из вопросов, с которыми пришлось столкнуться христианскому сознанию православной эмиграции в Маньчжурии, стал вопрос об участии в общественных церемониях. Важнейшие с точки зрения традиционного сознания обряды общественной жизни должны были выполняться правителем и теми лицами, чей социальный статус определялся как государственно значимый. Эти церемонии были, по сути, ритуалами гражданской религии империи Маньчжудуго, и полемике о допустимости участия в этих ритуалах было посвящено немало статей в прессе того времени, что отражало глубокий конфликт, приведший к разделению в среде русской эмиграции, в том числе и среди духовенства Харбинской епархии.

Интронизация императора Пу И происходила в полном соответствии с древними традициями — важнейшей ее частью стали церемонии на могилах предков Пу И, целью которых являлось утверждение нового сакрального порядка, а также ритуал принесения императором как Верховным Жрецом жертв Небу.

Говоря о принципах государственного устройства, император Пу И подчеркивал: «...народ относится к каждому Императору как к лицу Божественного происхождения, и в полной мере выполняет принцип почитания Императора... Небесные силы олицетворены в Особе Императора»⁸⁶.

Важное место отводилось ежегодным ритуалам, которые совершались императором. В столице империи Синьцзине (Чанчунь), при императорском дворце для «вознесения личных молитв перед Аматарасу Оомиками»⁸⁷ был построен Храм Основания Государства, а также храм «Кенкоку Чурейбио» (храм героев, отдавших жизнь за дело основания государства)...

В журнале «Движение молодежи» в 1943 г. была опубликована нижеследующая инструкция по поводу поклонений для русскоязычной молодежи Маньчжурии: «В государстве Маньчжудуго законом предписывается все наиболее выдающиеся дни и события в жизни населения отмечать проведением государственных церемоний. Церемония является для всех нас символом глубочайшего уважения и почитания государственного строя страны, уважения к религиозным верованиям, быту и нравам народов, населяющих эту страну»⁸⁸. Гражданское население должно было принимать участие в торжественных ритуалах. Первоначально участие в государственных церемониях ограничивалось поклонами в направлении резиденций императоров Маньчжурии и Японии, а также в поклонах государственным флагам. Само по себе участие в таких церемониях не носило религиозного характера.

8 мая 1943 г., однако, было опубликовано «Наставление народам Маньчжурской империи», в первом пункте которого говорилось: «Народы страны, памятуя, что первоосновой Государства является Божественный Путь, должны с глубочайшим и почтительнейшим уважением относиться к Прародительнице Императорский династии Аматарасу Оомиками и нерушимо блюсти верноподданность Его Величеству Императору»⁸⁹.

Протоиерей Аристарх Пономарев, епархиальный миссионер, в отчете за 1943 г. писал: «Государство Маньчжудуго, образовавшееся и находящееся на особом попечении государства Ниппон, имеет силу генетической связи и в основе своей „дух империи Ниппон“. Какой же это дух?

Согласно записи о древних делах, именуемой „кодаики“, государи Ниппон считаются прямыми потомками светлой солнечной богини Аматарасу. Линия Императорской Династии, согласной сей мифологии, тянется сплошной чертой через

⁸⁶ Там же. С. 63.

⁸⁷ Там же. С. 1.

⁸⁸ Движение молодежи. Харбин, 1943. С. 2.

⁸⁹ Наставление народам Маньчжурской империи. Харбин, 1943.

тысячелетия к нашему времени и далее в бесконечное будущее во веки веков, пока существуют небо и земля. Особа Императора — священна. Он является посредником между Небесными богами и людьми, правя последними, согласуясь с волей богов. Он сам — бог, явленный на земле Акицуками, соединяющий в себе начало божественное и человеческое: богочеловек, он, вместе с тем, сам — верховный священнослужитель, из поколения в поколение вершащий культ поклонения небесным богам и душам усопших императорских предков»⁹⁰.

На церемониях прибавлялся еще один поклон, который совершался первым в сторону храма «Кенкоку Синбио». В государственные праздники служащие и учащиеся должны были для совершения поклона направляться к храму «Дзиндзя». Народные герои, согласно японской традиции, после смерти возводились в разряд богов национального пантеона, таким образом и поклон в сторону храма, посвященного героям, принимал уже не только светский, но и ритуально-религиозный характер.

«Как правительственные чиновники, так за ними и некоторые пастыри харбинские пытались затушевать дело измены Христу и Церкви Бога Живого различными софизмами, как, например: «вы, ведь, — защитники истинного и единственного поклонения «в духе и истине», кланяетесь вашим знакомым ниппонцам — почему же не хотите поклониться храму, посвященному героям ниппонцев?» Кланяющиеся храму в память основания государства кланяются богине Аматерасу — прародительнице Императорской Династии. Таков дух основания государства»⁹¹.

Однако в среде русской эмиграции раздавались настойчивые голоса в защиту ритуальных поклонений «прародительнице Императорской Династии Аматерасу Оомиками». Видные представители русской эмиграции, по свидетельству о. Аристарха Пономарева, желая подать пример соотечественникам, участвовали как в принятии ритуальных жертвоприношений, так и поклонений.

Проводя параллели с временами гонения на первых христиан в Римской империи, духовенство Харбинской епархии утвердило во взгляде на то, что участие в государственных церемониях Маньчжудого носит религиозный характер. Как во время римских императоров, так и в Маньчжурской империи христиане столкнулись с феноменом «гражданской религии» и должны были определить возможность своего участия в ее ритуалах.

Видный историк Древней Церкви В. В. Болотов, писал «В религии римлян вера не имела такого значения как в христианстве... Римская религия состояла не в *убеждении*, а в выражении этого убеждения в *культе*»⁹². По-видимому, в Маньчжурской империи имел место этот же феномен, являющийся, на наш взгляд, фундаментом для существования любой «гражданской религии». Противостояние православных христиан Маньчжурской империи государственным церемониям, однако, имело более глубокие корни и не определялось только гражданскими или чисто политическими причинами. Особенно остро развивались события в Трехречьи — районе, населенном преимущественно русскими крестьянами и казаками-старообрядцами — беженцами из Забайкалья. О событиях в Трехречьи вспоминал И. Дьяков, служивший в те годы инспектором училищ в этом районе⁹³.

И. А. Дьяков ходатайствовал перед властями о замене в «Наставлении» слова «богиня» на слова «прародительница Императорской Династии». Эта попытка облегчить положение учащихся русских школ Трехречья окончилась трагически для И. Дьякова — власти сочли его бунтовщиком и арестовали на 64 дня, подвергая пыткам и издевательствам. Лишь вмешательство влиятельных лиц позволило освободить И. Дьякова (без права в дальнейшем занимать посты на государственной службе).

⁹⁰ Протоиерей Аристарх Пономарев. Отчет за 1943 год. Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (далее — ОВЦС МП), дело 29.

⁹¹ Там же.

⁹² Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т. II. С. 6.

⁹³ См. подробнее: Дьяков И. А. Аматерасу // Православие в Китае. М., 1998.

В Харбине и Трехречьи в русский текст «Наставления» были внесены изменения, предложенные И. Дьяковым, однако эта мера уже не могла остановить волнения, начавшиеся как среди духовенства, так и среди значительной части русской эмиграции в Харбине.

Многие воспринимали поклонение храмам как участие в религиозных церемониях, которое прямо нарушало заповедь Божию: «Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе, елика на земли низу, елика в водах под землею, да не поклониши им и не послужиши им» (Втор. 5, 8–9).

Архиепископ Камчатский Нестор (Анисимов) обратился к Митрополиту Харбинскому Мелетию как к правящему архиерею епархии с просьбой принять меры к ограждению православных граждан, а также учащихся православных школ и гимназий от участия в религиозных церемониях. Владыка Нестор писал о событиях того времени: «Мой одинокий голос остался неподдержанным, а поклонения продолжались. Защитить же себя в то время еще можно было, примером чего служит русская гимназия в Дальнем, бывшем Дайрене, где директор В. С. Фролов, столкнувшись с «поклонениями», отстоял перед Дайренской военной миссией свою русскую гимназию от служения этому языческому культу, и не водил детей на поклонения к храмам. Также поступили в Харбине руководители униатских школ и приютов. Мой приют, Дом милосердия, я никогда не пускал на эти поклонения и ни на какие японские праздники или события»⁹⁴.

По инициативе Епископа Хайларского Димитрия (Вознесенского) были написаны «Основные положения Православной Веры». Этот документ за подписью Митрополита Мелетия, Архиепископа Нестора и Епископа Ювеналия были направлены высшим властям Харбина. По мнению владыки Нестора, «...доклад этот был написан вычурным, трудным для понимания языком с трактовкой Православного богословского учения Русской Церкви. Для перевода на японский язык очень труден и для японцев совершенно непонятен... Доклад не достиг своей цели и возбудил только злобу и неприязнь японцев к русскому духовенству»⁹⁵. (Подпись владыки Нестора, однако, стоит под этим документом — он согласился его подписать, сделав критические замечания, во избежание разночтения позиций православных иерархов Маньчжурии.)

Вопрос о недопустимости участия в ритуальных поклонениях обсуждался на Епархиальных собраниях Харбинской Епархии 8 сентября и 2 октября 1943 г. в присутствии архиереев Харбинской епархии (владыка Нестор не присутствовал). По свидетельству Секретаря епископского совещания, свящ. Леонида Упшинского, «заседание было бурным, так как некоторые возражали, что... Аматерасу Оомиками — не богиня, а Прародительница»⁹⁶.

Доклады епископа Димитрия и проф. К. И. Зайцева, в которых был выражен официальный взгляд священноначалия о недопустимости участия в ритуальных поклонениях, было решено «принять полностью и направить к надлежащим властям»⁹⁷.

Официальные русскоязычные газеты Харбина и Дайрена публиковали множество материалов о традиции поклонения Аматерасу в Японии и Маньчжурии. Основной целью этих публикаций было формирование в среде русской эмиграции нового взгляда на «гражданскую религию» Маньчжурской империи, допускавшего и поощрявшего участие в официальных ритуальных церемониях.

Тяжким ударом для православного духовенства и верующих явился съезд руководителей русской эмиграции в Маньчжурской империи и последовавшие за ним события. Харбинская газета «Время» 5 февраля 1944 г. со ссылкой на официальную программу проведения съезда сообщала: «Сегодня открывается съезд руководителей

⁹⁴ Архиепископ Камчатский Нестор. Рапорт от 26.10.45. Архив ОБЦС МП, дело 29.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Свящ. Л. Упшинский. Доклад от 10 ноября 1945 г. Архив ОБЦС МП, дело 29.

⁹⁷ Протокол Епархиального собрания 2 октября 1943 г. Архив ОБЦС МП, дело 29.

российской эмиграции в Маньчжурской империи. Съезд начнется молебном в Свято-Николаевском Соборе в 8.30 утра, после чего участники его проследуют для поклонения к храму Харбин-Дзиндзя»⁹⁸. К стыду русской эмиграции, газета «Время» сообщила на следующий день, 6 февраля: «По окончании молебна участники съезда, предшествуемые начальником Бюро ген. Л. Ф. Власьевским, прошли к храму Харбин-Дзиндзя, где совершили поклонение»⁹⁹.

Интересны разъяснения, данные в этой связи представителем японской военной миссии, подполковником Маеда: «Никакого умаления религиозных чувств в отдавании дани уважения чужим религиозным обычаям, конечно, нет, это — не религиозный, а этический вопрос. Пора уяснить, что такое исповедание религии и соблюдение этикета страны. Каждый должен исполнять в чужой стране ее обычаи, а здесь, в Маньчжугу, поклонение в сторону храма и является как раз этической стороной обычая»¹⁰⁰.

Паства ждала слова от своих духовных руководителей. Некоторые священнослужители в проповедях открыто стали осуждать поклонение Аматерасу. В сложившейся ситуации архиереи Харбинской епархии приняли решение о распространении среди верующих «Архипастырского послания православному духовенству и мирянам Харбинской епархии». 12 февраля 1944 г. оно было подписано митрополитом Мелетием, епископом Димитрием и епископом Ювеналием. В Послании, в частности, говорилось: «Так как всякого рода поклонения иноверным божествам и храмам запрещены заповедями Божиими..., православные христиане, послушные воле Божией и Закону Его, не могут и не должны совершать этого поклонения, ибо таковые поклонения противоречат основным положениям Православной Веры»¹⁰¹. Вместе с тем, в Послании был выражен призыв к единомыслию в среде клириков и мирян и даже говорилось об опасности внутреннего беспокойства, раздоров и раскола в связи с разными взглядами на вопрос о допустимости поклонений.

Вечером 12 февраля Послание было распространено среди преподавателей и студентов Свято-Владимирского института. Многие перепечатывали текст Послания и распространяли его среди эмигрантов. На следующий день последовало распоряжение властей прекратить распространение Послания.

Архиепископ Нестор отказался подписывать послание, мотивируя свой отказ тем, что он не является архиереем Харбинской епархии, считает послание несвоевременным и не принимал участия в подготовке его текста. Мотивом отказа владыки Нестора служили некоторые его разногласия с епископом Димитрием, а также нежелание владыки Нестора хоть как-либо изменять свой независимый канонический статус (он носил титул Архиепископа Камчатского, а в Харбине был настоятелем Камчатского Подворья). Такая особая позиция владыки Нестора была расценена властями Маньчжурии как его согласие с официальной политикой, что стало причиной усиления давления на архиереев Харбинской епархии с целью добиться от них согласия хотя бы на компромисс.

В статье газеты «Время» 20 февраля 1944 г. под заголовком «Исчерпанный вопрос о поклонах» прямо выражалась угроза в адрес тех лиц, которые отказываются от участия в государственных ритуальных церемониях: «Если отдельные лица считают церемониальные поклоны, носящие чисто этический характер, для себя неприемлемыми, то такие лица не вправе считать себя гражданами Маньчжурской империи и оставаться в среде российской эмиграции, благополучно живущей на территории приютившей ее страны»¹⁰².

⁹⁸ Время. Харбин, 5 февраля 1944.

⁹⁹ Там же. 6 февраля 1944.

¹⁰⁰ Там же. 8 февраля 1944.

¹⁰¹ Архипастырское послание православному духовенству и мирянам Харбинской епархии. 12 февраля 1944 г. Архив ОВЦС МП, дело 29.

¹⁰² Время. Харбин, 20 февраля 1944.

В марте 1944 г. оба викария Харбинской епархии, епископ Димитрий и епископ Ювеналий, были вызваны в полицию, где их подробно допросили об обстоятельствах нелегального распространения Архипастырского Послания и об отношении паствы к этому вопросу.

28 апреля 1944 г. для обсуждения вопроса о государственных поклонениях к Митрополиту Мелетию приехали Начальник Полиции Харбина г-н Кобаяси и Начальник Иностранного Отдела Полиции г-н Кагияма. Разговор, продолжавшийся несколько часов, не принес результатов. Сославшись на крайнее переутомление и болезнь, владыка Мелетий просил перенести продолжение разговора на 1 мая. Разговор продолжался 7 часов, но вновь безрезультатно — принимавший участие в беседе епископ Димитрий категорически и резко протестовал против поклонений. 2 мая 1944 г. состоялось Епископское совещание (архиепископ Нестор, как обычно, на нем не присутствовал), на котором были выработаны следующие тезисы:

1. Поклонения храмам Кенкоку-Синбио и Дзиндзя, посвященным богине Ама-терасу Оомиками, запрещаются основными законоположениями нашей Православной Веры.

2. Эти законоположения не может нарушать не только духовенство, но и ни один верующий православный христианин.

3. В совещании 1 мая 1944 г. г-ном Начальником Департамента Полиции было предложено к принятию православными иерархами следующее пожелание: «Сейчас Маньчжунго — союзник Ниппон и ведет войну до победного конца, а потому о народных церемониях (коку мин гирей) не будем разговаривать до конца войны». Это пожелание Кобаяси-сан может быть принято в том смысле, что будет соблюдаться осторожность в проповедях и в печати, но, конечно, при том условии, которое много раз повторялось на совещании и самим Митрополитом Мелетием, — если не будет принуждения к таковым поклонениям.

4. Что касается вопроса об отобрании Архипастырских Посланий, то Епископское совещание после обстоятельного обсуждения этой меры признало, что иерархам принимать участие в этом отобрании невозможно, так как это будет понято как отказ иерархов от своего Послания. А потому мы совершенно отказываемся принимать участие в отобрании Послания»¹⁰³.

Тезисы были подписаны как правящим митрополитом Мелетием, так и обоими викариями Харбинской епархии.

Через несколько дней митрополит Мелетий представил г-ну Кобаяси текст Тезисов Епископского Совещания. Кобаяси требовал дать письменное обещание не поднимать вопрос о поклонениях до окончания войны. Митрополит Мелетий просил добавить к предложенному тексту слова «если не будет принуждения к поклонениям». Требование владыки Мелетия вновь вызвало спор, однако в итоге Кобаяси уступил, и владыка Мелетий вместе с викариями подписал следующий текст: «Даем обещание не высказываться против государственных церемоний публично на время войны, при условии, если не будет принуждения к поклонениям, предоставляя таковые на совесть каждого. Принуждением будет, если заставят кланяться насильно; если же добровольно, то это будет делом каждого; и если разъяснения властей успокоят совесть православных, то это не будет принуждением»¹⁰⁴.

Владыка Нестор отказался поддержать остальных харбинских архиереев, считав текст данного ими обещания недопустимым компромиссом. Несмотря на действительно компромиссный характер этого документа, он давал возможность открыто выступать против участия в ритуальных поклонениях в том случае, если они носили принудительный характер. Кроме того, подписанием этого документа фактически было установлено то, что принуждения к поклонениям ранее имели место. Поскольку владыка Нестор официально не выразил своего отношения к во-

¹⁰³ Протокол Епископского совещания 2 мая 1944 г. Архив ОВЦС МП, дело 29.

¹⁰⁴ Копия письменного обещания архиереев Харбинской епархии Архив ОВЦС МП, дело 29.

просу о поклонениях, создавалась двусмысленная ситуация, при которой могли сложиться условия для церковного раскола.

31 августа 1944 г. харбинские архипастыри направили в адрес владыки Нестора письмо, где, в частности, говорилось: «Сердечною благожелательностью и во Христе любовью снова просим и умоляем мы Вас — присоединитесь, вернитесь к нам, и да звучит голос Ваш кличем защиты чистоты Веры и ревности об исповедании ее. Подпишите (лучше поздно, чем никогда) наше Архипастырское Послание и заявите об этом открыто — как и где это найдете возможным...»¹⁰⁵

Отвечая на письмо, владыка Нестор писал о том, что расхождения с собратьями архипастырями в вопросе о недопустимости поклонений храмам Аматерасу у него нет, однако предложил рассмотреть текст своего собственного Архипастырского Обращения к православным богомольцам, в котором подтвердил свое единомыслие с архиереями Харбинской епархии. Текст Обращения владыки Нестора был одобрен Епископским совещанием и оглашен самим владыкой Нестором 4 ноября за богослужением в Камчатском Подворье.

21 декабря 1944 г. владыка Нестор принял участие в Епископском совещании, где согласился подписать и текст Архипастырского Послания харбинских иерархов от 12 февраля 1944 г.

Несмотря на разницу во взглядах на канонический статус архиереев в Маньчжурii и некоторые противоречия личного характера, архипастыри в итоге единомысленно определили участие православной части русской эмиграции в ритуальных поклонениях как недопустимое и в итоге, как могли, защищали религиозную свободу православной части русской эмиграции в Маньчжурii.

¹⁰⁵ Письмо архипастырей Харбинской епархии Архиепископу Камчатскому Нестору от 31 августа 1944 г. Архив ОБЦС МП, дело 29.